

УДК 325.25+394.9+81 272

DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-113-129

**ЯЗЫКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В МИГРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКИХ БУРЯТСКИХ МИГРАНТОВ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ)²²****Эржен В. Хилханова**

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

*В статье на материалах полевого исследования рассматривается взаимосвязь социальных сетей (дружеских контактов) и многоязычных языковых практик бурятских мигрантов в странах Западной Европы. Основными факторами, влияющими на них, являются принадлежность к интеллектуальной миграции, малый размер этнической группы и дисперсность расселения в принимающей стране, а также изменение характера самой миграции, определяемой сейчас в терминах мобильности, транскьюлтурализма и транснационализма. Следствием данных факторов является отсутствие широкой этнической социальной сети и большая (в частности, межпоколенческая) диверсификация дружеских контактов бурят-мигрантов и, соответственно, языковых стратегий и практик. В целом делается вывод об отсутствии коммуникативной поддержки Я1 (бурятского языка) и о выполнении Я2 (русским языком) функций *inner language* и *lingua franca* для всего русскоязычного сообщества за рубежом. Отмечается высокий уровень владения данной группой мигрантов ЯЗ-п (иностранными языками) и разнообразие стратегий и практик их использования, которые зависят от жизненных планов, семейного статуса мигрантов и от особенностей современной миграции в целом.*

Ключевые слова: социальные сети, дружеские контакты, мигранты, буряты, этничность, многоязычие, бурятский, русский и иностранные языки, Западная Европа

**LANGUAGES AND SOCIAL NETWORKS IN MIGRATION
(THE CASE OF POST-SOVIET BURYAT MIGRANTS IN WESTERN EUROPE)****Erzhen V. Khilkhanova**

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article examines the relationship between social networks (friendly contacts) and multilingual language practices of Buryat migrants in Western Europe employing field research materials. The main influencing factors are belonging to intellectual migration, the small size of the ethnic group and dispersed character of their settlement in the host country, as well as the changing nature of migration itself, which is now defined in terms of mobility, transculturalism and

²²Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21–512–12002 НННО а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21–512–12002 НННО а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”

Автор выражает признательность Немецкой службе академических обменов (DAAD) за финансовую поддержку полевого исследования по данному проекту. Далее я хочу поблагодарить всех анонимных информантов, которые делились своими жизненными историями и искренне отвечали на мои вопросы. И, наконец, я хотела бы выразить свою благодарность профессору д-ру Гюнтеру Шлее, сотрудникам и исследователям Института социальной антропологии им. М. Планка (Германия, г. Галле).

transnationalism. The consequence of these factors is the lack of a wide ethnic social network and a large (in particular, intergenerational) diversification of friendly contacts of Buryat migrants and their corresponding language strategies and practices. In general, the conclusion is made about the lack of communicative support for L1 (the Buryat language) and the implementation of the inner language and lingua franca functions by L2 (the Russian language) for the entire Russian-speaking community abroad. There is a high level of L3-n (foreign languages) proficiency in this group and a variety of strategies and practices for their use, which depend on migrants' life plans, family status and the characteristics of modern migration in general.

Keywords: social networks, friendly contacts, migrants, Buryats, ethnicity, multilingualism, Buryat, Russian and foreign languages, Western Europe

1. Миграция и социальные сети. Бурятские мигранты как объект исследования

Данная статья обращена к проблематике многоязычия в миграционной ситуации и его взаимосвязи с социальным кругом общения мигрантов, т.е. с социальными сетями. Понятие социальной сети используется в его изначальном значении социальных связей, а не в значении онлайн-платформ, используемых для общения, создания социальных отношений с другими людьми, которые имеют схожие интересы или офлайн-связи (Facebook, VKontakte и т.д.). Поскольку социальные сети (связи) мигрантов, действительно, существуют сегодня как в офлайн-, так и онлайн-формате ввиду транснационального характера современной миграции и в целом растущего объема интернет-коммуникации, в настоящем исследовании учитываются оба вида общения – как онлайн, так и офлайн.

Многоязычие в миграции рассматривается на конкретном кейсе – бурятских мигрантах из бывшего Советского Союза, выехавших в страны Западной Европы в постперестроечный период и находящихся там как минимум три года. Следует сразу оговорить, что объект исследования ограничен двумя важными и связанными друг с другом характеристиками – высоким уровнем образования исследуемых мигрантов и легальностью каналов миграции. Это характерно, конечно, не только для бурят-мигрантов: в целом постсоветская миграция отличается от всех предыдущих волн «русской» эмиграции по уровню образования и профессиональных навыков, которые тесно связаны с проблемой «утечки мозгов» из России. К примеру, в США перепись населения 2000 г. зарегистрировала очень высокий уровень образования среди прибывших россиян: более половины тех, кому за 25 лет (52 %), имели степень бакалавра и магистра. Только один из четырех американцев имел эквивалентный уровень образования (24 %) [Denisenko, 2013].

Таким образом, исследуемая группа представляет собой определенный сегмент в общем эмиграционном потоке – а именно интеллектуальную миграцию. В настоящее время понятие «интеллектуальная миграция» характеризует главным образом процессы выезда ученых и

квалифицированных кадров для работы за пределами своей страны. Но единого содержательного определения феномена интеллектуальной миграции в научном дискурсе не существует. Исследователи обычно включают в него трансграничные перемещения научно-технических специалистов, иногда причисляя к мигрантам также творческую интеллигенцию и студентов, получающих образование за рубежом. Наиболее широкая трактовка подразумевает под интеллектуальными мигрантами всех получивших профессиональную квалификацию лиц, находящихся за рубежом более одного года [Интеллектуальная миграция в современном мире, 2014: 21]. Именно такая – широкая – трактовка интеллектуальной миграции и принята в данной статье. Соответственно, характеристики и поведенческие стратегии, используемые бурятскими мигрантами, составившими объект нашего исследования, обусловлены принадлежностью именно к такой категории мигрантов и, скорее всего, не могут быть экстраполированы на другие группы, например, неквалифицированных мигрантов или нелегальную трудовую миграцию.

Бурятские мигранты представляются интересным объектом для миграционных и диаспорных исследований из-за их изначальной этнической и культурной принадлежности к центральноазиатской цивилизации и конкретно – к «монгольскому миру» – удобной научной метафоре, используемой для описания исторически сложившегося общего историко-культурного пространства, включающего в себя как огромные территории «исконного» расселения монгольских народов, так и более широкое географическое пространство, вовлеченное в орбиту современных миграций, ранее локализованных в границах Центральной и Восточной Азии [Трансграничные миграции, 2015: 4]. «Бурятский кейс», однако, более сложен, чем миграция из центра современного «монгольского мира» – Монголии – ввиду того, что буряты на протяжении более 350 лет существуют в двойственном историческом контексте, являясь, с одной стороны, частью монгольского мира, с другой – частью России, ощущая себя, соответственно, частью и общемонгольской, и российской истории. При этом, по данным исследования [Языковое сознание и языковые установки, 2016], обыденное сознание бурят, их языковые установки за последние три века стали всё же ближе к русскому этносу, чем к монгольскому, что еще раз доказывает, что фактор государственности (политический фактор) является определяющим для самоидентификации людей. По-видимому, достаточно смены нескольких поколений (как в случае с бурятами и монголами), чтобы политические границы укоренились и в сознании родственных этносов. Соответственно, бурятских мигрантов можно рассматривать в первую очередь как часть русской эмиграции и затем уже – монгольской.

Изучение постсоветской бурятской миграции представляет интерес и с точки зрения социолингвистики, поскольку бурятские мигранты до эмиграции были объединены с другими

национальностями бывшего СССР, помимо общей истории и (советской) культуры, еще и сходством языковой ситуации: имели свой этнический язык (Я1) и владели русским языком (Я2). К этому естественному (бытовому) двуязычию (если мигрант владел Я1) добавляется и искусственное (учебное) дву- или многоязычие, т.к. все мигранты владеют одним или более иностранным языком (Я3-п). При этом роль языков в жизни постсоветских «монгольских» мигрантов, сферы их использования и детерминированность рядом социальных реалий в их постмиграционной жизни практически не изучены. Предварительно можно сказать, что общий тип миграции, т.е. принадлежность к интеллектуальной миграции играет решающую роль, влияя на владение языками, на скорость их изучения, на круг общения мигрантов и т.д. Однако этот параметр не является единственным. Другие социальные факторы также важны, в частности такая недостаточно изученная переменная, как *структура и характер социальных сетей (связей)* участников. Более пристальное изучение этого фактора и является *целью* данной статьи: необходимо выяснить, как социальные сети (связи) мигрантов влияют на их языковые практики и наоборот, что нового привносит бурятский кейс в уже известные модели взаимодействия между структурой социальных сетей и использованием языка в мигрантских сообществах.

Понятие социальной сети используется в социолингвистике уже несколько десятилетий. Оно доказало свою эффективность в объяснении языковых изменений, в том числе и при объяснении механизмов сохранения, языкового сдвига и утраты языка в дву- и многоязычных мигрантских сообществах. В ряде исследований [например, Hulsen et al., 2002; Wei, 1994] было зафиксировано, что тесная сеть носителей этнического языка (L1) может рассматриваться как один из основных факторов поддержания языка в иммигрантских общинах, помогая мигрантам противостоять давлению в сторону ассимиляции с моноязычным большинством и замедляя этот процесс.

В последнее время в миграционных исследованиях обращается внимание на важность изучения дружеских контактов, поскольку дружеские сети часто являются ключевым элементом к пониманию современной миграции и транснациональных жизненных практик [Bunnell, 2012: 502]. В контексте постсоветской миграции новаторский фокус на изучении именно дружеских связей молодых русскоговорящих мигрантов в Лондоне XXI века сделан в работе Д. Малютиной [Malyutina, 2015]. Автор отмечает, что неформальные социальные сети этих мигрантов имеют динамичный характер и необязательно сосредоточены на соотечественниках и далеко не всегда могут предоставить им поддержку [там же: 139–140]. Выводы, сделанные Д. Малютиной, поддерживают выводы других исследователей о том, что русскоговорящие мигранты в Лондоне представляют собой сообщество, состоящее из

небольших, слабо связанных друг с другом социальных групп. Они очень фрагментированы, поэтому термин «сообщество» в отношении русскоговорящих мигрантов из постсоветских стран может использоваться только как эвристический прием, а не как определение конкретной, объединенной, сплоченной и однородной группы. «Сообщество» обозначает общие черты исторического, лингвистического, социокультурного, этнического и национального характера, которые, с одной стороны, есть у большинства недавних русскоязычных мигрантов в Великобритании, но с другой стороны, эти общие черты не могут автоматически стать необходимыми предпосылками для формирования социальных сетей на практике. Этот нюанс в использовании слова «сообщество» объясняется внутренними различиями и противоречиями между членами этой слабо определенной группы, которые не позволяют рассматривать ее как единое целое [Там же : 34].

Если гетерогенность и фрагментированность русскоязычного сообщества в Лондоне в какой-то степени естественна (ведь оно состоит из мигрантов из разных стран бывшего Советского Союза), то, как будет показано далее, эти же выводы применимы и к бурят-мигрантам, несмотря на то, что, казалось бы, эта группа должна быть более гомогенной, учитывая ряд изначально объединяющих их факторов (этничность, территория, культура и т.д.). Как показало наше исследование, жизненные стратегии и практики мигрантов настолько индивидуальны, что обобщения можно делать только с большой осторожностью.

2. Социальные сети бурятских мигрантов в Западной Европе

С точки зрения методики в период с июля до октября 2016 г. с использованием метода полуструктурированного интервью было опрошено 22 бурята-мигранта, которые выехали в страны Западной Европы в перестроечные и постперестроечные годы и проживают там не менее 3 лет. Была собрана информация о: 1) семьях информантов, в том числе близких членов семьи и оставшихся на родине родственников; 2) дружеских контактах в принимающих странах, где информантам было предложено указать этническую принадлежность их друзей и частоту общения с ними; 3) других контактах в принимающих странах, включая информацию о контактах с соседями, участии в разных видах социальной деятельности в свободное время и т.д. В настоящей статье будут рассмотрены только дружеские контакты в принимающих странах сквозь призму этничности. Будет анализироваться информация касательно круга общения участников и использования языков в каждой из выделяемых категорий дружеских контактов (социальной сети).

В плане социальных сетей/связей важно то, что исследуемая нами группа бурят-мигрантов

не попадает под действие программ приема мигрантов по признаку документального подтверждения требуемой этнической идентичности, как в случае, например, с «русскими немцами» и «русскими евреями», что отражается и на характере их социальных сетей и используемых языков. Например, русские (или российские) немцы в Германии представляют собой классический пример *цепной миграции*, когда мигранты прибывали в Германию как часть большой семьи, включая как близких, так и дальних родственников. Многие немцы из России и Казахстана эмигрировали вслед за родственниками, которые выехали в Германию до них. В нашем случае большинство мигрантов были первыми, кто выехал за границу. Некоторые указывали на родственников, живущих в разных странах Западной Европы, но из интервью было ясно, что наличие родственников не явилось ни мотивом, ни помощью в процессе переезда, и только в одном случае информант (женщина) переехала в Германию вслед за близким членом семьи (сестрой) и полагалась на ее помощь и поддержку.

Поэтому в нашем случае можно было ожидать, что буряты-мигранты, не имеющие подобной семейной сети в Западной Европе, будут удовлетворять свои потребности в социальной поддержке и социализации в других местах, будь то сеть других русскоязычных друзей, социальные институты или интернациональные связи. Поскольку для общения одним из важных параметров является возраст, на рис. 1 показана возрастная характеристика выборки. Информанты представляли четыре возрастные группы, и, как мы видим, наиболее многочисленной (почти половина опрошенных) оказалась группа мигрантов, возраст которых составлял от 26 до 35 лет. Однако, поскольку официальную статистику интересует не этническая принадлежность, а гражданство иммигрантов, трудно определить, насколько пропорции выборки отражают реальную картину бурятской миграции в страны Западной Европы. Тем не менее, по данным из разных источников, включая сведения от самих мигрантов, количество бурятских мигрантов в Западной Европе составляет несколько тысяч человек, из которых около тысячи проживает во Франции, больше тысячи – в Испании, не менее двух тысяч – в Германии и т.д. (см. об этом также: [Нанзатов, 2016]).

Таблица 1 показывает структуру сети социальных контактов в исследуемой группе. Характер контактов через призму этничности классифицируется по четырем категориям, где представлены средние числа контактов среди пяти наиболее близких людей, с которыми регулярно происходит «живое» общение. Вопрос интервью формулировался как «Назовите, пожалуйста, пять самых близких друзей, с которыми у Вас регулярно происходит живое общение». Соответственно, нами выделяются близкие друзья и партнеры (1) той же этничности, (2) другой этничности из бывшего СССР, (3) не из бывшего СССР и (4) из местных жителей.

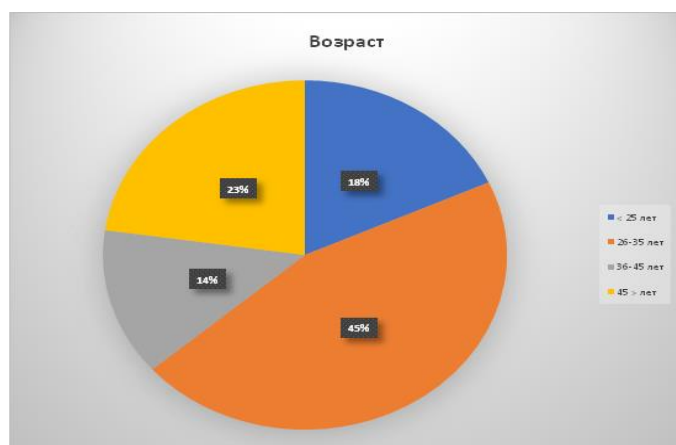

Рис. 1. Возрастная характеристика информантов.

Таблица 1.

Структура сети социальных контактов (из 5 наиболее близких друзей)

Количество близких друзей и партнеров той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
1	0,8	1,3	1,4 / 2,2
Количество близких друзей и партнеров другой этничности из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
2	1,6	1,6	2,4
Количество близких друзей и партнеров не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
1	0,8	0,6	0,2 / 0,8
Количество близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
0,5	0,8	0,6	1

Конечно, изучение сети социальных контактов, располагающихся в рамках такого расплывчатого концепта, как дружба, имеет много подводных камней. Индивидуальные вариации оказались очень диверсифицированы как в интерпретации понятия дружбы, так и по широте социальных контактов, когда у кого-то почти не было друзей, а у других они исчислялись десятками. Усредненные числа в таблице этого разнообразия отразить, конечно, не могут. Вариативность проявилась и в том, что у некоторых регулярные близкие дружеские связи оказались дистанционными – с теми, кто остался на родине. Это сам по себе важный факт, который может свидетельствовать о многом: о том, что эти мигранты живут подлинно транснациональной жизнью, или о том, что они полностью не интегрировались в принимающие сообщества и не обзавелись близкими друзьями среди местных жителей. Порой дружеские контакты смешивались с родственными: некоторые называли среди близких друзей

партнеров, супругов или родителей супругов, так что пришлось этот момент учесть при анализе данных.

Наибольшая вариативность, однако, неожиданно оказалась связанной с проблемой бурят-монгольской идентичности, о которой мы писали во Введении. Некоторые информанты имеют друзей-монголов и идентифицируют их как людей родственной или одинаковой с бурятами этничности. Соответственно, при более формальном подходе друзья-монголы должны быть отнесены к третьей группе («близкие друзья и партнеры не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение»), при менее формальном – к первой («близкие друзья и партнеры той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение»). Эта двойственность квалификации отражена в таблице в виде цифр, данных через слэш. Безусловно, это влияет и на интерпретацию полученных данных.

Во-первых, дружеские контакты, рассмотренные сквозь призму этничности в корреляции с возрастом, дают в какой-то степени ожидаемую картину того, что количество близких друзей и квалифицируемых как друзей партнеров той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение, растет с возрастом информантов. Если у молодых мигрантов в возрасте до 25 лет в среднем есть один близкий друг/подруга той же этничности, то у мигрантов старше 46 лет их 1,4 или 2,2 (в последней цифре учтены друзья-монголы). Тем не менее, в любом случае наблюдается тенденция к увеличению с возрастом тесных дружеских контактов с земляками-бурятами/монголами, варьируется только степень ее выраженности.

Во-вторых, вопрос об этнической идентификации бурят и монголов становится более принципиальным, когда речь заходит о дружеских связях с людьми не из бывшего СССР. Если считать бурят и монголов людьми одной этничности, т.е. отнести их в группу 1, то данные группы 3 выглядят следующим образом: количество близких друзей и партнеров не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение, обратно пропорционально возрасту, т.е. чем моложе мигрант, тем больше у нее/него друзей из разных стран мира. Если у мигрантов младше 25 лет в среднем один друг/подруга из других стран, то у мигрантов старше 46 лет эта цифра составляет 0,2 человека.

Если отнести друзей-монголов в группу 3, тогда количество друзей в каждой из четырех возрастных категорий имеет небольшие вариации и какая-либо выраженная тенденция не прослеживается.

В таких спорных случаях к количественным данным необходимо подключить данные, полученные с использованием качественных методов: этнографического наблюдения, дискурсивных фрагментов из интервью, а также исследования других ученых. Полученные нами качественные данные свидетельствуют в пользу первого подхода, когда количество

друзей из других стран убывает с увеличением возраста информантов. Как мои наблюдения, так и высказывания самих мигрантов (т.е. дискурс на эту тему) свидетельствуют о том, что для многих молодых мигрантов общим является открытость и интерес к другим культурам, толерантность, желание посмотреть мир; многие не разделяют традиционные ценности своих этнических культур и поэтому комфортно чувствуют себя на западе. Молодые мигранты имеют более космополитичные установки, и этническая принадлежность как их самих, так и других людей не играет для них большой роли, например:

Я: У меня современный... в ногу со временем менталитет.

И: Современный – это как?

Я: Это когда ты открыт миру, можешь легко находить общий язык с людьми другой национальности, не зная их языка. Ты принимаешь людей такими, какие они есть.

В: Мне тоже так кажется, что это такое поколение, которым не важен язык, на каком языке они вообще говорят.

Я: Мобильность... наверное, как-то так.

(И – интервьюер, В – Влада (32 года), Я – Янжима (25 лет))

В этом фрагменте интервью, в котором участвуют две сестры, видно, что Влада, которая старше Янжимы только на 7 лет, отмечает то, что ее сестра – представитель уже другого поколения, с другим, соответственно, отношением к жизни и другими поведенческими и речевыми стратегиями.

Такие же выводы делаются и другими исследователями миграции из России и бывшего Советского Союза. Одна из недавно вышедших книг о постсоветской миграции носит примечательный в этом плане заголовок: «Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии», а ее автор пишет: «В ситуации транснациональных сообществ этничность вообще потеряла роль маркера для обозначения культурных практик групп» [Попков, 2016: 429].

В целом, однако, следует сказать, что в исследованиях с использованием качественных методов и построенных на небольшой выборке важно использовать преимущества микроуровневого подхода. Применительно к проблеме структуры сети социальных контактов важно то, что друзья-монголы есть только у информантов старше 46 лет, владеющих как бурятским, так и монгольским языками и глубоко укорененных в бурят-монгольской культуре. Эти мигранты могут и хотят общаться с монголами, кто-то это делает в какой-то степени вынужденно ввиду отсутствия земляков-бурят в месте своего проживания; в любом случае амбивалентность вопроса о бурят-монгольской идентичности ими хорошо осознается. Молодые же информанты, признавая, что у бурят «монгольские корни», отмечают негативное отношение монголов к бурятам как «ненастоящим, ассимилировавшимся» и отмечают языковой барьер: монголы не говорят по-русски, буряты-мигранты в большинстве своем не

говорят ни по-монгольски, ни по-бурятски. Все это препятствует их общению. Таким образом, обусловленное принадлежностью к разным национальным государствам расхождение бурят и монголов продолжается, но идентификационные и поведенческие стратегии бурят-мигрантов, реализующие концепт «дружбы», широко варьируются в зависимости от личностных и ситуативных особенностей.

Рассмотрим далее сеть социальных контактов бурятских мигрантов с выходцами из бывшего Советского Союза. Количество близких друзей и друзей-партнеров другой этничности из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение, не имеет четкой корреляции, но в любом случае больше одного. Это говорит о том, что прослеживается тенденция заводить друзей из стран бывшего СССР, и буряты-мигранты чувствуют себя объединёнными с другими русскоговорящими мигрантами посредством общего советского прошлого, культуры и языка. Приведем цитату из интервью, чтобы проиллюстрировать эту тенденцию не только на уровне статистики, но и на уровне дискурса:

У меня советский менталитет [...]. Мне так кажется. У меня в X друзья были с Киргизии. Мы с ними можем говорить на русском языке, и какие-то культурные маркеры.

(Жаргал, 42 г.)

И, наконец, относительно количества близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение, можно выделить то, что более старшие мигранты (старше 46 лет) имеют наибольшее количество друзей из местных жителей, а группа самых молодых (до 25 лет) – наименьшее, что вполне естественно.

В целом анализ характера социальных сетей постсоветских бурят-мигрантов свидетельствует о том, что этничность становится все менее релевантной для современных мигрантов. Нерелевантность этничности, подобно воде в сообщающихся сосудах, ведет к усилению космополитичных тенденций у молодых людей, по крайней мере, у тех, кто становится мигрантами – мобильных, открытых миру, как они сами себя характеризуют; в целом все это является свидетельством усиливающейся глобализации. Совершенно очевидно, что наследие общего советского прошлого – ощущение культурно-исторической общности с бывшими соотечественниками, поддерживаемое русским языком (ср. девиз газеты «Русский Берлин» «Наша Родина – русский язык») – живо в сознании жителей СНГ.

3. Взаимодействие между языком и структурой социальных сетей

Как отмечалось в начале статьи, классическая модель взаимозависимости между языком и структурой социальной сети в миграционных ситуациях предполагает, что более активное участие в сильной этнической сети является фактором, противодействующим давлению

окружающего социума в плане перехода на язык местного большинства. И наоборот, рыхлость и меньший размер этнических сетей могут ускорить языковой сдвиг [Hulsen, 2002; Wei, 1994].

Основные дружеские контакты, перечисленные информантами, фактически представляют собой и наиболее важные коммуникативные области. В дополнение к информации об этнической принадлежности близких друзей, представленной в Таблице 1, участников также просили определить языки, обычно используемые в общении с каждым из перечисленных контактов. В табл. 2 представлен сводный отчет об использовании языков общения в каждой из возрастных групп и в каждой из четырех категорий: близкие друзья и партнеры (1) той же этничности, (2) другой этничности из бывшего СССР, (3) не из бывшего СССР и (4) из местных жителей.

Таблица 2.

Тип использования языка при основных дружеских контактах (из 5 наиболее близких друзей)

Количество близких друзей и партнеров той же этничности, с которыми регулярно происходит «живое» общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
1	0,8	1,3	1,4 / 2,2
Язык/-и общения			
Только русский	Русский и бурятский (25%) Только русский (75%)	Только русский	Русский и бурятский
Количество близких друзей и партнеров другой этничности из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
2	1,6	1,6	2,4
Язык/-и общения			
Только русский			
Количество близких друзей и партнеров не из бывшего СССР, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
1	0,8	0,6	0,2 / 0,8
Язык/-и общения			
Английский и немецкий	Английский немецкий французский китайский	Английский	Монгольский
Количество близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение			
< 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46 > лет
0,5	0,8	0,6	1
Язык/-и общения			
Вариативно, но с тенденцией перехода на язык принимающей страны			

В целом, по свидетельствам информантов, при общении с оказавшимися за рубежом соотечественниками используется русский язык. Если это друзья из бывшего СССР, то только русский, если это друзья-буряты, то здесь лингвистические практики более диверсифицированы в зависимости от возраста участников: информанты в возрасте от 26 до 35 и старше 46 лет используют и бурятский язык, но в значительно меньшем объеме, чем русский. Таким образом, русский язык выполняет функцию *inner language* – языка, используемого для «внутренних» целей (общения с родственниками, друзьями и вообще с теми, с кем люди общаются по доброй воле, а не по профессиональной или иной необходимости). *Inner language* противопоставляется нами *outer language* – языку или языкам, используемым для «внешних целей», каковыми являются иностранные языки (ЯЗ-п). Эти функции, конечно же, подвижны и динамичны: со временем ЯЗ может переходить в *inner language* (см. об этом также в [Хилханова, 2020]).

В общении с друзьями и партнерами не из бывшего СССР используется широкий репертуар западных и восточных иностранных языков (см. таблицу 2), среди которых безусловно доминирует английский. Именно в этой сфере принадлежность к интеллектуальной миграции проявляется особенно ярко: два иностранных языка в лингвистическом репертуаре информантов – это норма, а владение языками, используемыми в профессиональной деятельности, нередко приближается к владению родным языком (для большинства это русский язык). Это отнюдь не та категория мигрантов из бывшего Советского Союза, которые выезжали за границу с минимальным знанием иностранных языков, как, например, многие «поздние переселенцы» в Германии (*Spätaussiedler*) (см., напр., [Römhild 2004]). Например, одна из участников опроса так отзывалась о своем уровне знания английского языка:

В сравнении с русским он все равно не в той степени, как мой русский, нет такой вот глубины, ширины, но он абсолютно свободный, т.е. я думаю на английском, я sny вижу на английском, я иногда с английского перевожу на русский, чтобы что-то сказать. Но опять-таки... иногда идиоматические выражения, которые можно понимать, только родившись в этой культуре.
(Дари, 32 года)

На языковые практики мигрантов влияет и отмечаемая многими исследователями мобильность как характерная черта современной миграции. В исследовании временной и циркулярной миграции в рамках европейского проекта «Мобильные идентичности: миграция и интеграция в транснациональных сообществах» говорится, что точка зрения, согласно которой миграция нацелена на длительное присутствие, «оседание» на одном месте, должна быть пересмотрена. Если миграция буквально нескольких десятилетий назад была непременно проектом на всю жизнь, то сегодня именно мобильность формирует контуры современной миграции. Соответственно, в политической перспективе временная и циркулярная миграция

должна пониматься в таком глобализированном контексте – контексте, в которых такие понятия, как «транснациональный» и «мобильность», объединяются, чтобы играть ключевую роль [Mobile Identities, 2015: 2].

Эти выводы эмпирически подтверждаются и на примере бурятской интеллектуальной миграции: многие (молодые) мигранты рассматривают западноевропейские страны, в которых они находятся, скорее как промежуточную дестинацию. Подобно многим высококвалифицированным мигрантам, они готовы поменять место своего жительства в зависимости от карьерных и других перспектив. Это деактуализирует необходимость интеграции в стране, где мигрант находится в данное время, включая и установление дружеских контактов с местными жителями. В языковых практиках и стратегиях это проявляется по-разному: кто-то учит язык принимающей страны (если это не английский язык, которым все мигранты и так владели в той или иной степени еще до иммиграции) только в той степени, чтобы не иметь трудностей в бытовом общении. Такие стратегии поддерживаются интернациональным кругом общения, где английский является основным (или единственным) языком коммуникации, и тем, что многие континентальные западноевропейские вузы предлагают обучение на английском языке. Есть и другие практики и стратегии, когда язык (например, немецкий или французский) учится из-за интереса к языкам и разделяемых участниками установок об абсолютной ценности или прагматической полезности многоязычия.

В целом освоение языка принимающей страны (отличного от английского) зависит от планов и семейного статуса мигрантов: если они уже осели в данной стране, женаты/замужем, имеют детей и стабильную работу, это автоматически влечет за собой изучение языка данной страны, если его не было в лингвистическом багаже мигранта еще до иммиграции. Поэтому, как мы уже говорили, количество близких друзей и партнеров из местных жителей, с которыми регулярно происходит общение, больше всего у мигрантов старше 46 лет, которые уже давно живут в западноевропейской стране и не собираются переезжать в другую.

4. Заключение

В начале статьи говорилось, что буряты-мигранты уезжали за границу без каких-либо предпочтений для миграции, в отличие от «русских немцев» и «русских евреев», иммиграция которых в такие страны, как Израиль, США и Германия, была институционализированной и этничность играла в ней определяющую роль. Малый размер группы бурятских мигрантов, разрозненность проживания ставят под сомнение возможность использования термина «диаспора» в отношении этой группы как со стороны исследователя, так и самих мигрантов, мнения которых на этот счет расходятся: одни полагают, что диаспора все же есть, другие отрицают ее

существование, третьи считают, что речь идет скорее о небольших «группах по интересам», которые общаются друг с другом. Слабая возможность опираться на диаспорные или родственные связи, как при цепной миграции, имела следствием то, что буряты, оказавшиеся за рубежом после распада Советского Союза, могли в основном рассчитывать только на себя. Соответственно, возможностей для (успешной) миграции было больше у тех, кто в достаточной степени обладал востребованными навыками и компетенциями (в том числе и лингвистическими), что и обусловило принадлежность их к интеллектуальной миграции.

Бурятские мигранты только условно подпадают под понятие «этнической» миграции. Характер их дружеских контактов разнообразен и свидетельствует о том, что понятие *этнической социальной сети мигрантов* [Рзаева, 2015] неприменимо к данной группе в целом, но может быть применено только к микрогруппам внутри нее. Если сравнить их, например, с «русскими немцами», то для последних этнические социальные сети очень важны для интеграции на рынке труда Германии [Kalter and Kogan, 2011; Dietz, 1999], а расширение этнических семейных сетей в профессиональную сферу ведет к менее частому использованию немецкого языка и более медленному переходу на него. Такая связь языка и социальных сетей обусловлена, конечно, и тем, «русские немцы» отличаются от бурят-мигрантов чуть ли не по всем социальным параметрам, наиболее значимыми из которых с точки зрения миграционной социолингвистики являются общий тип миграции (институционализированный по этническому признаку у первых и миграция на общих основаниях у вторых), размер этнической группы и дисперсность расселения в принимающей стране, уровень образования и сельский vs. городской опыт жизни до миграции. «Русские немцы», как известно, мигрировали преимущественно из сельских районов бывшего Советского Союза и в целом имели невысокий уровень образования, во многом по причине дискриминации из-за принадлежности к немецкому этносу [Römhild, 2004].

Соответственно, отсутствие широкой этнической социальной сети в плане языка ведет к тому, что Я1 (бурятский язык) не получает никакой поддержки в миграционной ситуации, а Я2 (русский язык) выполняет функцию *inner language* и в целом, как известно, является *lingua franca* русскоязычного сообщества за рубежом независимо от этничности. Бурятский кейс сигнализирует также о появлении новых и пока еще недостаточно описанных моделей взаимодействия языка и сетевых структур в миграции, связанных в первую очередь с изменением характера самой миграции в целом и принадлежностью к интеллектуальной миграции в частности, которые должны быть определены не в терминах *интеграции* или *ассимиляции*, а в терминах *мобильности*, *транскультурализма* и *транснационализма*. Если хорошее владение иностранными языками характерно для интеллектуальной бурятской

миграции в целом, то изменившийся характер современной миграции проводит своего рода водораздел между старшим и младшим поколением мигрантов. Молодые мигранты, еще не осевшие в какой-либо стране, видят мир как открытый и полный возможностей, имеют много интернациональных дружеских контактов, а многоязычие является одним из ресурсов для их дальнейшей самореализации.

Литература

- Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие (2014). Ред. М.М. Лебедева. М.: МГИМО-Университет. 253 с.
- Нанзатов Б.З. (2016) Российские монголы в Европе: опыт адаптации бурят и калмыков в странах Евросоюза. Известия Иркутского государственного университета. Т. 18. Серия «Политология. Религиоведение». С. 90–98.
- Попков В.Д. (2016) Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне: Посев. 483 с.
- Рзаева С.В. (2015) Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве. Вестник Томского государственного университета. № 395. С. 60–66. DOI: 10.17223/15617793/395/9.
- Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 198 с.
- Хилханова Э.В. (2020) Многоязычие постсоветской миграции: функциональный аспект [Электронный ресурс]. Социолингвистика. № 1. С. 63-78. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-63-78
- Хилханова Э. В., Дырхеева Г. А., Любимова Л. М., Сундуева Д. Б. (2016) Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука – Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Bunnell, T., Yea, S., Peake, L., Skelton, T., Smith, M. (2012) Geographies of Friendship. Progress in Human Geography. № 36 (4), pp. 490–507.
- Denisenko, M. (2013) Historical and Current Trends in Emigration From Russia. Available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2292#top. Access date: 10.06.2015.
- Dietz, B. (1999) Ethnic German immigration from Eastern Europe and the former Soviet Union to Germany: the effects of migrant networks. IZA Discussion Paper, No. 68. November.
- Hulsen, M., de Boot, K. Weltens B. (2002) «Between two worlds». Social networks, language shift, and language processing in three generations of Dutch migrants in New Zealand // International Journal of the Sociology of Language. № 153. pp. 27–53.
- Kalter, F., Kogan, I. (2011) Migrant Networks and Labour Market Integration of Immigrants from the Former Soviet Union in Germany. Paper submitted to be presented at the conference “Migration: Economic Change, Social Challenge”, NORFACE/CRaAM, London, 6-9 April 2011.
- Malyutina, D. (2015) Migrant friendship in a super-diverse city: Russian-speakers and their social relationships in London in the 21st century. With a foreword by Claire Dwyer. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Mobile Identities: Migration and Integration in Transnational Communities (HOME/2012/EIFX/CA/CFP/4201). Available at: <https://igop.uab.cat/wp-content/uploads/2016/07/MOBILE-IDENTITIES-EU-rec-UK-FINAL-doble.pdf>. Access date: 10.01. 2021.
- Römhild, R. (2004) Working in the West: Managing Eastern Histories at the German Labor Market – The Case of Russian German Immigrants. Workers and narratives of survival in Europe: the

management of precariousness at the end of the twentieth century. Edited by Angela Procoli. New York: State University of New York Press. pp. 197–216.

Wei, L. (1994) *Three Generations, Two Languages, One Family: Language Choice and Language Shift in a Chinese Community in Britain* Philadelphia: Clevedon.

References

- Intellektual'naya migratsiya v sovremennom mire: uchebnoye posobiye (2014). Ed. by M.M. Lebedeva [Intellectual migration in the modern world]. Moscow: MGIMO University. 253 p. (in Russ.).
- Khilkhanova, E.V. (2020) *Mnogoyazychie postsovetskoy migratsii: funktsional'nyy aspekt [Elektronnyy resurs] [Multilingualism of the post-Soviet migration: functional aspect] [Electronic resource]*. *Sotsiolingvistika*. No 1, pp. 63–78. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-1-1-63-78
- Khilkhanova, E.V., Dyrkheeva, G.A., Lyubimova, L.M., Sundueva, D.B. (2016) *Yazykovoe soznanie i yazykovye ustanovki zhiteley prigranichnykh regionov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykalskogo kraya) [Linguistic Consciousness and Language Attitudes of Residents of the Border Areas of the East of Russia (the Case of the Republic of Buryatia and the Transbaikal Region)]*. Moscow: Nauka – Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (In Russ.)
- Nanzatov, B.Z. (2016) *Rossiyskie mongoly v Evrope: opyt adaptatsii buryat i kalmykov v stranakh Evrosoyuza. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian Mongols in Europe: experience of adaptation of Buryats and Kalmyks in the EU countries]*. T. 18. *Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*. Pp. 90–98. (In Russ.)
- Popkov, V.D. (2016) *Pokidaya predely etnichnosti. Postsovetskaya emigratsiya v Germanii [Leaving the Limits of ethnicity. Post-Soviet emigration in Germany]*. Frankfurt am Main: Posev. 484 p. (in Russ.).
- Rzaeva, S.V. (2015) *Etnicheskaya sotsial'naya set' kak mekhanizm migratsionnykh protsessov i adaptatsii migrantov v prinyimayushchem obshchestve: o ponyatii i ustroystve [Ethnic social network as a mechanism of migration processes and adaptation of migrants in the host society: on the concept and structure]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 395, pp. 60–66. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/395/9.
- Transgranichnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'. Vyp. 3: sb. nauch. st. [Cross-border migrations in the Mongolian world: history and modernity. Issue 3: Collection of scientific articles]*. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2015. 198 p.
- Bunnell, T., Yea S., Peake, L., Skelton, T., Smith, M. (2012) *Geographies of Friendship. Progress in Human Geography*. No 36 (4). Pp. 490–507.
- Denisenko, M. (2013) *Historical and Current Trends in Emigration From Russia*. Available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2292#top. Access date: 10.06.2015.
- Dietz, B. (1999) *Ethnic German immigration from Eastern Europe and the former Soviet Union to Germany: the effects of migrant networks*. IZA Discussion Paper, No. 68. November.
- Hulsen, M., de Boot, K., Weltens, B. (2002) «Between two worlds». *Social networks, language shift, and language processing in three generations of Dutch migrants in New Zealand // International Journal of the Sociology of Language*. No 153. Pp. 27–53.
- Kalter, F., Kogan, I. (2011) *Migrant Networks and Labour Market Integration of Immigrants from the Former Soviet Union in Germany*. Paper submitted to be presented at the conference “Migration: Economic Change, Social Challenge”, NORFACE/CReAM, London, 6–9 April 2011.
- Malyutina, D. (2015) *Migrant friendship in a super-diverse city: Russian-speakers and their social relationships in London in the 21st century*. With a foreword by Claire Dwyer. Stuttgart: Ibidem-Verlag.

- Mobile Identities: Migration and Integration in Transnational Communities (HOME/2012/EIFX/CA/CFP/4201). Available at: <https://igop.uab.cat/wp-content/uploads/2016/07/MOBILE-IDENTITIES-EU-rec-UK-FINAL-doble.pdf>. Access date: 10.01. 2021.
- Römhild, R. (2004) Working in the West: Managing Eastern Histories at the German Labor Market – The Case of Russian German Immigrants. Workers and narratives of survival in Europe: the management of precariousness at the end of the twentieth century / edited by Angela Procoli. New York: State University of New York Press. Pp. 197–216.
- Wei, L. (1994) Three Generations, Two Languages, One Family: Language Choice and Language Shift in a Chinese Community in Britain Philadelphia: Clevedon.

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Для цитирования: Хилханова Э.В. Языки и социальные сети в миграции (на примере постсоветских бурятских мигрантов в Западной Европе) [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2021, No 1(5). С. 113–129 DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-113-129

For citation: Khilkhanova E.V. Languages and social networks in migration (the case of post-Soviet Buryat migrants in Western Europe). Sociolinguistics, 2021, no. 1(5) [online], pp. 113–129. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-113-129